

Реликты анимизма в традиционных верованиях казахского и тувинского народов (конец XIX – начало XX вв.): сравнительный анализ

Рустем К. Досмурзинов

Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1756-8236>

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-142-1-26-43>

Аннотация. Данная статья посвящена изучению религиозного мировоззрения в этнографии казахского и тувинского народов. Известно, что в современный период тувинцы исповедуют буддизм, частично христианство, а также придерживаются традиционных верований (как и некоторые другие народы Южной Сибири – хакасы, алтайцы, шорцы), казахский народ исповедует ислам суннитского направления ханифитского мазхаба. Несмотря на эти различия, данные народы имеют общие исторические корни и истоки традиционного мировоззрения, которые связаны с религиозными воззрениями древнетюркской эпохи. Современной науке о религии и религиозной культуре древних и средневековых тюркских народов известно немного, поэтому изучение религии современных тюркских народов является актуальным научным направлением. Получить новые сведения о религиозных верованиях и духовной культуре возможно, как известно, разными методами. Целью статьи является раскрыть такие компоненты религиозного мировоззрения, появление и бытование которых не обусловлено влиянием канонического буддизма у тувинцев и ислама у казахов, а именно доисламские элементы в традиционном мировоззрении казахского народа и добуддистские реликты в верованиях тувинского народа. Согласно мнению автора статьи, данные компоненты основаны, в первую очередь, на анимистических представлениях, поэтому целью статьи является раскрыть реликты анимизма в традиционной культуре казахского и тувинского народов.

Теоретико-методологическим основанием настоящей статьи стали достижения этнологии (антропологии) в эмпирических и теоретических исследованиях традиционных верований и обрядов. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до начала XX в.

Автор статьи приходит к выводу, что религиозные верования казахского и тувинского народов в конце XIX – начале XX вв. являлись синкретичными по своему содержанию. Важной составляющей духовной культуры, в которой данный синкретизм находил выражение, являлась традиционная обрядность.

Ключевые слова: ранние формы религии; анимизм; магия; почитание огня; традиционные верования; ислам; обрядность

Received 27.09. 2022. Revised 01.10.2022. Accepted 10.02.2023. Available online 30.03.2023.

For citation:

Dosmurzinov R.K. Relics of Animism in the traditional beliefs of Kazakh and Tuvan people (the end of XIX century – the beginning of XX century): comparative analysis // Bulletin of the L.N.

Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 142. – №.1. – P. 26-43.

DOI: [10.32523/2616-7255-2022-142-1-26-43](https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-142-1-26-43)

Для цитирования:

Досмурзинов Р.К. Реликты анимизма в традиционных верованиях казахского и тувинского народов (конец XIX – начало XX вв.): сравнительный анализ // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 142. – №. 1. – С. 26-43.

DOI: [10.32523/2616-7255-2023-142-1-26-43](https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-142-1-26-43)

Введение

В период с завершения XIX века до начала XX в., а позднее и в течение всего XX в., традиционное казахское общество подвергалось различным усиливавшимся модернизационным процессам. В административном отношении территория Казахстана значительно сократилась, оказавшись разделенной на различные административные единицы, которые не учитывали особенностей традиционных форм хозяйствования. В результате ослабились социальные связи внутри казахского общества, традиционная этническая структура начала дробиться на более мелкие роды.

Традиционная система жизнеобеспечения казахского народа также претерпела значительные изменения. Углубились социокультурные связи казахского народа со славянскими народами, начали развиваться новые формы земледелия. Хотя скотоводство продолжало играть доминирующую роль в системе жизнеобеспечения, эта роль уже не была столь определяющей. Начали развиваться капиталистические отношения, появились предприятия, ориентированные на первичную переработку сырья. Развивались города, произошел рост численности городского населения. Заметно возросло влияние религии, при этом, наряду с исламской религией, в укреплении религиозной сферы значительную роль стало играть христианство.

Коренные преобразования, проходившие в данный кризисный период для общества, побудили представителей казахской интеллигенции к активной политической, а также научно-публицистической деятельности. В данный период в Казахстане развивалось общественно-политическое движение, получившее название в честь мифического предка казахского народа «Алаш». На территории современной Республики Тува (РФ), начиная со второй половины XIX в., активизируются движения, направленные против Цинской империи, а к началу XX в. ее территория входит

в состав Российской империи. Следует отметить, что в исторической ретроспективе традиционный уклад жизни в Республика Тува сохранялся более длительно. Кроме того, в этой республике до сих пор существует ряд топонимов с названием Алаш, параллели с казахской культурой можно найти в духовной и материальной культуре, традиционной системе и культуре жизнеобеспечения, в традиционной этнической структуре тувинцев.

В данной статье рассматриваются взаимосвязь религиозных воззрений и традиционной обрядности у казахского и тувинского народов. Известно, что в современный период тувинский народ исповедует буддизм, а казахский народ придерживается ислама суннитского направления. Оба народа относятся к тюркским этносам, общими предками которых являлись древние тюркские племена и народности, о религии которых известно немного. Поэтому целью статьи является выявить такие компоненты религиозного мировоззрения, появление и бытование которых не обусловлено влиянием канонического буддизма у тувинского народа и ислама у казахского народа. В большинстве своем данные компоненты считались в этнологии реликтами (в устаревшей форме – пережитками) более ранних форм религии – анимизма, тотемизма, фетишизма, магии.

Теоретико-методологическим основанием настоящей работы стали достижения современной этнологии (антропологии) в эмпирических и теоретических исследованиях традиционных верований. Термин «реликт» широко применялся в этнологии, его использовали представители эволюционистского направления (Э. Б. Тайлор, Дж. Дж. Фрэнгер, Л. Г. Морган). Под «реликтами» понимались «черты человеческой культуры, которые являются остатком пройденной обществом стадии развития; технический прием, обычай, представление, утратившие смысл для того общества, в культуре которого они сохраняются» (Свод этнографических понятий и терминов, 1993:

153-154). В русле такого понимания развития общества и культуры сложилась «теория пережитков», а также «метод пережитков», являющиеся «продуктом какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснения ставших непонятными обычаев и воззрений» (Тайлор, 1939: 43).

Известно, что «теория» и «метод пережитков» часто подвергались критике. Обстоятельная критика «реликтов» содержится в концепции культуры Б. Малиновского, считавшего, что термин, обозначаемый как «реликт» является лишь новым значением, новой функцией для того или иного явления (Малиновский, 2005: 35). Поэтому, на наш взгляд, справедливым является замечание о том, что «метод пережитков» утратил былое значение для современных исследований, хотя и продолжает использоваться в дискуссиях (Pauls, 2012: Электр. ресурс).

Отметим, что данные теоретические проблемы являются частью научной проблемы, связанной с изучением первобытного мышления и религии. Не углубляясь в данную проблему, обозначим, что уже первые этнологи занимались изучением происхождения и развития религии. Так, например, Э. Тайлор, изучив древние мифы и суеверия, обозначил «верование в существование духовных существ» как основу религии в древних и традиционных обществах (Тайлор, 1939: 264). Дж. Фрэнгер обратил внимание на древнюю магию и доказывал, что магия оказала существенное влияние на появление науки и религии (Фрэнгер, 1989: 53). Э. Дюркгейм, в теории общества которого религия занимает центральное место, утверждал, что «элементарной религией» является «тотемизм» (религия, в основе которой лежит вера в тесную связь человека с животным или растением) (Дюркгейм, 2018: 297). Лишь позднее, в середине прошлого века, Э. Эванс-Причард заявил, что «бесполезно искать в религии «первоначальное состояние» (Эванс-Причард, 2004: 105).

Тем не менее, современные исследования показывают, что древнейшей формой

религии, бытующей до сих пор у современных охотников и собирателей, является анимизм (Peoples, 2016: Электр. ресурс). Так или иначе, тотемизм, фетишизм, магия, культ предков тесно связаны с анимизмом, проявления которого в мировоззрении казахского и тувинского народов стали предметом данного исследования.

Как было уже указано выше, изучением религиозного мировоззрения казахского народа занимались представители казахской интеллигенции, а также русские этнографы, чиновники, путешественники. Во многом эти работы предполагали описательный характер, были выполнены в дискурсе дескриптивной этнографии, хотя уже в некоторых из них содержится сравнительный анализ. Однако, более глубокие теоретические исследования появляются на советском этапе развития этнологии (этнографии). Известный этнограф Х. А. Аргынбаев в своих работах «Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством» (1975), «Обычаи и обряды, связанные со скотоводством» (1980), «Қазақ отбасы» (1996) обратил внимание на связь обрядов жизненного (родильной, свадебной и похоронно-поминальных обрядов) и производственного циклов с определенными религиозными воззрениями, такими как магия, почитание огня, культ плодородия (Аргынбаев, 1996).

В совместной работе «Ислам у казахов: (до 1917 г.)» (1997) В. Н. Басилова, Дж. Х. Кармышевой дается характеристика религиозной жизни казахского народа. Исследователи показывают, что утверждение в казахской среде мусульманского мировоззрения и норм, регулирующих общественную деятельность, было долгим процессом. По мнению данных этнографов, ислам жил в тесном переплетении с местными традициями, которые были переосмыслены в исламском духе и потому не воспринимались народом как противоречащие или чуждые исламу (Басилов, Кармышева, 1997).

На рубеже XX-XXI вв. выходит в свет монография А. Т. Толеубаева «Реликты доисламских верований в семейной

обрядности казахов» (1991). Данная работа знаменовала собой переход к современному этапу изучения доисламских воззрений у казахского народа. Исследователь рассматривает архаичные верования в свадебной, похоронно-поминальной и связанной с рождением и воспитанием ребенка обрядности казахов (Толеубаев, 1991). В работе раскрывается символическое содержание юрты, роль коня в похоронно-поминальной обрядности.

В работе «Представления, культы, обряды у казахов» (1992) Р. М. Мустафина дает всестороннюю характеристику бытового ислама у казахов (Мустафина, 1992). В данном труде рассматриваются место и роль ислама в жизни казахов, специфика мистического ислама – суфизма (ишанизма, дервишизма), культ святых, а также реликты представлений и обрядности, связанные с сельскохозяйственной деятельностью (Наурыз, Жарапазан, Тасаттык), демонологией, шаманством, некоторыми синкретическими религиозными формами, семейно-бытовой обрядностью (Мустафина, 1992).

Параллельно проводились исследования по религии и духовной культуре древних и средневековых тюрков. Обобщая ряд исследований в данном направлении, авторы монографии «Казахи» (1995) пришли к такому выводу: «...Некоторыми авторами выдвинуто предположение о существовании у древнетюркских кочевых племен Казахстана религии, которую они назвали тенгрианство, однако скудность фактического материала пока не позволяет реконструировать ее. Можно только утверждать, что у древних тюрков существовала политеистическая религия с верховным небесным божеством» (Казахи, 1995: 310-311.).

Изучением проблем традиционного мировоззрения и обрядности тувинцев занимались такие исследователи, как Ф. Кон, С. И. Вайнштейн, М. В. Кенин-Лопсан. Ф. Кон участвовал в нескольких экспедициях в различных регионах Тувы и собрал сведения о материальной и духовной культуре тувинцев

(Маннай-оол, 2010: Электр. ресурс). Труд Ф. Кона «Экспедиция в Сойотию» является энциклопедией по этнографии тувинского народа в период начала XX в., в третьем томе которого содержатся важные сведения об истории, традиционном хозяйстве, духовной и материальной культуре тувинцев, а также подробное описание шаманских практик. С. И. Вайнштейн в работе «Тувинцы-тоджинцы» приводит подробные сведения о хозяйстве, жилище, пище, одежде, общественных и семейных отношениях, народных знаниях и творчестве, религиозных верованиях такой субэтнической группы внутри тувинского народа, как тоджинцы (Вайнштейн, 1961). М. В. Кенин-Лопсан в работе «Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства» описывает обряды и атрибуты тувинских шаманов, шаманский фольклор тувинцев, сообщает о традиционных анимистических представлениях тувинцев, их обычаях и обрядах (Кенин-Лопсан, 1987).

Источниками данного исследования являются сведения о традиционных верованиях и обрядах как о важной части духовной культуры казахского и тувинского народа. Обозначим также, что в статье рассматриваются наиболее характерные традиции и ритуалы для каждого из народов. Ценные источниками стали устные материалы, в том числе различные поверья, легенды, сказания, которые содержатся в работах исследователей конца XIX – начала XX вв.

Новизна исследования заключается в том, что специальных исследований сравнительного плана, в которых бы раскрывались общие и особенные черты верований, которые отражались в обрядах жизненного цикла казахского и тувинского народов, до сих пор предпринято не было. Конечно, можно отметить, что исследователи почти всегда подразумевали близость мировоззренческих традиций народов, проживающих в регионе Центральной Азии и Сибири. Поэтому во многих обобщающих работах, посвященных традиционным верованиям этих народов, данные проблемы

рассматриваются с приведением различных аналогий и культурных параллелей.

Известный ученый В. Н. Басилов исследовал шаманство у среднеазиатских народов, привлекая материалы о традиционных религиях в Сибири (Басилов, 1992). Этнограф Р. М. Мустафина обозначила реликтовые формы древних верований у казахского народа (Мустафина, 1992). Другой отечественный исследователь А. Т. Толеубаев, предлагая концепцию множественности человеческих «душ» в традиционных верованиях казахского народа, приводит в качестве доказательств архаичности таких воззрений материалы по традиционным верованиям тувинцев (Толеубаев, 1991: 143). Так, у тувинского народа не сохранился, а, возможно и не бытовал ранее, ритуал похоронно-поминальной обрядности аналогичный казахскому обряду «тұл», согласно которому, как известно, изготавливался образ умершего. Однако, в тувинском языке присутствуют термины «чула», «чуулзун», обозначающие «форму», «образ» (Кенин-Лопсан, 2007). Тувинский исследователь М. В. Кенин-Лопсан отмечал, что у тувинцев были распространены поверья о главной душе, а обряды шаманов основывались на анимистических воззрениях (Кенин-Лопсан, 1987: 27). Таким образом, к настоящему времени известно, что в традиционных верованиях и у казахского народа, и у тувинского народа существенную часть составляли анимистические представления. В этой связи, существует необходимость дальнейшего изучения проявлений данных представлений в системе верований и обрядах в сравнительном аспекте, с привлечением более широкого круга материалов, относящихся к обоим народам.

Методы исследования

Методы настоящего исследования включают общенаучные методы – метод описания, анализа и синтеза, а также специально-научные методы – историко-сравнительный и историко-системный методы. Метод описания применялся для

характеристики религиозных явлений и ритуалов жизненного цикла. Методы анализа и синтеза использовались для выявления общих и особенных черт в религиозных воззрениях, историко-сравнительный метод – в ходе сопоставления сведений о религиозных воззрениях казахского и тувинского народов, а историко-системный метод применялся при анализе структуры и содержания обрядов жизненного цикла.

Обсуждение

В традиционных обществах люди считали себя неразрывной частью окружающей их среды, природы. Мироздание в традиционной культуре представлялось населенными разными духами и божествами. В XIX в. казахский этнограф Ш. Ш. Уалиханов утверждал: «...Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека? Необходимая потребность познать Вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и отношениях человека породили шаманство – обожание Вселенной или природы и духа умерших людей. Так младенчеству человек был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и всего того бесконечного, вечного и разнообразного, что мы называем природой или Вселенной» (Уалиханов, 2007: 71-72).

В этой связи, более того, Ш. Уалиханов выдвинул предположение о зарождении религиозного мировоззрения: «...Человек шаманский удивлялся солнцу и поклонялся ему; увидел луну – ей поклонился; он поклонялся всему в природе, где замечал присутствие этой неизъяснимой силы, вечной, как время, которую он назвал синим небом, кок-тангри...» (Уалиханов, 2007: 72). Так, в древних китайских грамотах встречаются следующие описания правителей кочевых народов хунну: «Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною, Хуннуский Великий Шаньюй...» (Бичурин, 1998: 390). В памятниках древнетюркской рунической письменности, т.е. в источниках древних тюрков о самих себе и в источниках близким

к ним народностей, также часто упоминалось о «небесном» происхождении каганов, их подобности небу. «Когда возникло голубое небо, а внизу темная земля, то между ними обоими появились сыны человеческие. Над сынами человеческими воссел мой предок Бумын каган... Четыре стороны света были ему врагами...», – гласит Большая надпись на памятнике в честь Бильге (Могилян) кагана (Орхонские надписи, 2001: 35).

Как было уже отмечено, казахи и тувинцы являются наследниками тюркской культуры. О религии древних и средневековых тюрков известно немного. Так, по мнению Д. С. Кармышевой, «можно только утверждать, что у древних тюрков существовала политеистическая религия с верховным небесным божеством» (Казахи, 1995: 310-311). Философ М. Орынбеков, напротив, считает, что тенгрианство (наименование религии тюрков, монголов) «по существу было монотеистическим верованием, где верховный бог один, другие же заняты его обслуживанием» (Орынбеков, 2013: 14). При этом исследователь выделяет тотемистический, шаманистический и тенгристический уровни религии (Орынбеков, 2013: 14).

Известно, что в традиционных представлениях казахского народа мир состоял из трех частей. Ш. Уалиханов приводил следующие сведения из народной космогонии: «...На небе есть жители – люди. Они опоясываются под горлом; мы живем на середине тела, люди же подземные, у которых также свое солнце, луна и звезды, носят пояс на ногах» (Валиханов, 2007: 86). Подобные представления о трехчастном делении мира бытовали и среди тувинцев. Владыкой Верхнего мира был Курбусту хан, владыкой Темного (нижнего) мира – Эрлик (Эрлик Ловун хан) (Вайнштейн, 1991: 240).

Отметим, что и с распространением исламской религии казахи продолжали упоминать «Тәңір» (Тенгри), используя его в качестве синонима названия бога. Среди казахов нарекали людей именами «Тәңірберген» (букв. «данный Тенгри»),

«Құдайберген» (букв. «данный богом»), которые бытуют и поныне. Этнограф С. И. Вайнштейн считал, что название владыки небесного мира Курбусту восходит к имени зороастрийского божества Ахурамазды (Вайнштейн, 1991: 240). Это название сохранилось у казахского народа в форме ырым (ср. у чувашей – Ырамас), под которым понимается предписание и действие, направленное на благополучный исход, т.е. по сути являющееся проявлением магии.

Различные природные явления сопровождалась традиционной обрядностью. В первой половине XIX в. Ш. Уалиханов писал: «Нам случалось также слышать относительно первого грома, что «небесный жеребец ржет...» (Валиханов, 2007: 88). При этом у киргизов соблюдается следующий обряд: хозяин юрты с ковшом выбегает из юрты, бьет им, бегая кругом, свою кибитку снаружи, приговаривая: «молока много, углей мало»..., а потом, придя домой, втыкает ковш около дверей в керегу. Говорят еще, что льют молоко у порога...» (Валиханов, 2007: 88).

Тувинцы верили, что «раскаты грома – это крик дракона в небе. ...Когда дракон машет своим огромным хвостом, появляется молния» (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010: 45). В конце XIX в. Е. К. Яковлев описывал следующий обряд, который совершался в данном случае: «...Совершаемое en grand общественное моление, кроме того в миниатюрном размере совершается каждой хозяйкой, которая обходит юрту посолонь тоекратно, ударяя по стенкам юрты и прося, чтобы скот ее был молочен и здоров» (Яковлев, 1900: 62).

Характерным явлением для религиозных верований многих древних народов был шаманизм, реликтовые формы которого сохранялись у казахов и тувинцев вплоть до начала XX в., а в тувинской культуре шаманизм бытует до сих пор. У тувинцев сохранилось древнее тюркское название шамана – «кам» (хам), казахи называли шаманов «бақсы» (баксы). В конце XIX в., описывая шаманство у казахов, Г. Н. Потанин писал: «В среде киргиз от шаманства уцелели жалкие остатки, у

киргизских шаманов нет ни длиннейших культовых гимнов, нет той расточительности в космогонических картинах; киргизские шаманы, баксы, это древесные стволы с осыпавшимися листьями и цветами...» (Потанин, 2005: 58).

Тем не менее, роль и значение баксы в традиционном казахском обществе была важной, потому что баксы сочетали и выполняли различные функции. Так, Ш. Валиханов писал: «Шаманы почитались, как люди, покровитель-ствуемые небом и духами. Шаман – человек, одаренный волшебством и знанием, выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач» (Валиханов, 2007: 76). У тувинцев шаман к тому же еще являлся «выдельвателем идолов-амулетов» (Яковлев, 1900: 63).

В традиционных представлениях духи могли быть добрыми и злыми. К добрым духам могли относиться пери (пери), духи предков (эруак), а к злым – пери, джин (жын), албасты, жезтырнак (жезтырнак). Тувинские шаманы также, как и казахские, опирались на помощь духов предков. Относительно категории злых духов в представлениях тувинцев, Н. Ф. Катанов приводит следующие сведения: «...Из злых духов, которые постоянно вредят людям, урянхайские шаманы чаще всего упоминают трех: аза, албыс и чулбус, чтобы обмануть человека, аза является ему то в образе человека, то в образе лисицы, то в виде вихря. В виде вихря он может даже попасть в юрту, в которой никогда не шаманили. Если плюнуть на вихрь 2-3 раза, то аза не причинит вреда» (Катанов, 1893: 42). Интересные материалы о казахских поверьях содержатся в трудах Ш. Валиханова: «...Вихрь, вероятно, был олицетворен как один из тэнгриев стихийного происхождения, потому что киргизы, встречая вихрь, плюют три раза «тфу, тфу, тфу» (Валиханов, 2007: 88).

Появление шаманизма было связано с культом предков. В этом дискурсе можно продолжить идею Ш. Валиханова о развитии религиозных верований: «шаманство обоготворило природу. ... Человек приписывал небу, солнцу и луне

власть над собой, влияние это действовало на него только в этом мире от рождения до смерти. ...но после смерти власть природы на него прекращалась, он сам становился арвахом, онгоном, божеством свободным. Благополучие его в том мире зависело от того, как родственники исполняли обряды поминок. Если поминки были исправны, он был спокоен и покровительствовал всем родным, не то он становился врагом и вредным» (Валиханов, 2007: 74). Сказанное казахским этнографом о почитании духов предков можно справедливо отнести и к традиционным представлениям тувинцев. Так, Д. Каррутерс, описывая верования тувинцев, обратил внимание на бытование культа предков: «...Между урянхайцами и другими исповедующими шаманизм племенами культ предков принимает иногда самые разнообразные формы» (Каррутерс, 1914: 160).

Упомянутое выше почитание предков (в казахском языке «духи предков» – «эруак», в тувинском языке – «ээрен»), в свою очередь, тесно связано с анимистическими и тотемическими представлениями. Например, в казахской устной традиции сохранились легенда о разговоре хана Абылая и Жидебай батыра. Согласно этой легенде, однажды, оказавшись на вершине горы, хан Абылай сказал батыру Жидебаю: «Покажи мне своего аруаха!». Жидебай согласился, попросив хана остаться на вершине горы, а сам решил спуститься с нее. Когда Жидебай спускался к подножью горы, Абылай заметил красную лисицу. В этот момент внезапно появляется желтый беркут и устремился на лисицу. Абылай рассказал о том, что увидел Жидебаю. Услышав это, Жидебай батыр сказал: «Красная лисица – мой аруах, а желтый беркут – ваш аруах. Значит, ваш аруах выше моего» (Потанин, 2007: 141), (Жанайдаров, 2014: 48).

Таким образом, в традиционном мировоззрении казахского и тувинского народов сохранились реликты древних верований, включавших анимизм, тотемизм, культ предков, шаманизм и

магию. Эти верования, представляя собой наиболее значительный пласт архаичного мировоззрения, были неразрывно связаны. Сопоставление традиционных казахских и тувинских представлений обнаруживает определенные сходства, которые проявляются, как мы покажем ниже, и в традиционной обрядности.

В традиционной обрядности жизненного цикла важное место занимали обряды детского цикла. Ритуалы родильной обрядности можно объединить с ритуалами детской обрядности, поскольку обе эти категории представляют часть традиционной семейно-общинной обрядности. В связи с рождением ребенка казахи проводили празднество «шілдеhana» («шілде той»), являвшегося также древней традицией. Первые сорок дней после рождения ребенка у казахского народа, как известно, считались опасными для его жизни. Бытовали поверья, что ему могли навредить злые духи (шайтан, пери, джинны), или его могла унести птица «алып қара құс».

Однако, самым опасным врагом как для ребенка, так и для роженицы считался дух албасты (Ибрагимов, 1872). Этому злострому духу можно найти аналогии в традиционных представлениях тувинцев об албысах и шулбусах. Также как и тувинцы, казахи представляли албасты в образе женщины. Только если тувинцы считали, что албыс вредит мужчинам, то казахи верили, что козни албасты могут проявиться при родах в какой-либо семье. Так, Н. Катанов приводит сведения о том, что албыс прежде девица, не желавшая выходить замуж; этот дух... живет в каменистых и песчаных местах (Катанов, 1893: 42).

По традиции казахи также проводили обычай «қалжа той», заключающийся в том, что свекровь устраивала небольшое празднество, кормила роженицу мясом из шейной части барана («қалжа») (Ибрагимов, 1872). В конце XIX в. о подобных обрядах у тувинского народа в источниках не упоминается, однако, в очерке В. П. Ладыгина приводятся следующие сведения о тувинцах: «...Рождение детей празднествами и особыми обрядами

не сопровождается. Роженица на несколько дней оставляется в покое и служит предметом заботливого внимания как близких, так и мужа, который убивает хотя и последнего барана, чтобы предоставить роженице более питательную пищу» (Ладыгин, 1899: 55).

Традиционную свадебную обрядность казахского народа можно подразделить на предсвадебный, свадебный и послесвадебный этапы. На первых этапах совершался сговор («қалындық айттыру»), сватовство («құда түсу»). По традиции «ұрын бару», жених имел возможность приехать в аул невесты, это знаменовало переходный этап к свадьбе («үйлену тойы», «келін түсіру тойы»).

Свадебная обрядность в традиционной культуре тувинского народа также начиналась со сговора сватов, которым исполняли важные функции в обрядности в целом. Согласно сведениям Ф. Кона, традиционная свадьба тувинцев включала следующий обряд: «...Обряд начинался с того, что расплетались и вновь заплетались косы обоих: жениха и невесты. После этого жених кладет в рот кусок баранины, придерживая его зубами так, что часть этого куса торчит наружу. Невеста должна ухватить зубами эту торчащую часть, после чего жених резким движением головы отрывает кусок, придерживаемый невестой зубами. Это, по объяснению сойотов, является символом того, что при выходе замуж девушка отрывается за будущим мужем от своего клана и переходит в клан мужа (Кон, 1936: 103). Данному обряду можно найти аналогии и в традиционной казахской обрядности, так казахская свадьба завершалась тем, что сватам преподносилось блюдо «құйрық бауыр» (букв. «жир и печень»). Обычай знаменовал закрепление родственных связей между двумя сторонами.

Важным обычаем свадебной обрядности у казахского народа являлся обычай «отқа май құю» (букв. «возлияние масла в огонь»). Обряд заключался в следующем: «...Невеста, поступая в новое семейство, должна войти в юрту отца [мужа], принести в жертву огня ложку масла, делает сале́м (преклонение колена) и бьет головой (падает навзничь),

приговаривая: «аруах разы болсын» – аруах (дух предков), будь доволен! Во время горения жертвы мать или кто-нибудь из женщин, нагревая ладонь на огне, водит по лицу новобрачной, и новобрачная отдает в честь оня халат, который берет хозяин (отец мужа) юрты, как владелец очага, и заставляет ее сесть на баранью шкуру, говоря при этом: будь мягка, как кожа (Валиханов, 2007: 32).

В конце XIX в. Ы. Алтынсарин приводит сведения о бытовании данного обычая и в традиции «ұрын бару»: «...Как только жених вступит через порог в кибитку, его заставляют три раза кланяться и потом, подведя к огню, разводимому посреди кибитки, дают ему в руки железный ковш, наполненный растопленным салом, которое жених выливает на огонь; пламя вспыхивает, а старухи в это время, проходя к огню и приложив справа к нему руки, делают затем у себя на лбу и на груди знамение пальцами» (Алтынсарин, 2006: 15-16). Исконный смысл ритуала заключался в приобщении к огню домашнего очага, умилоствлении его духа-покровителя.

В традиционной свадьбе тувинцев, стороны жениха и невесты соревновались в «от-джаяр», «выбивании огня из огнива над сухим сеном». В начале XX в., согласно сведениям Ф. Кона, в свадебном обряде сторона жениха стремилась первой зажечь сено и внести огонь в юрту (Кон, 1936: 105). В целом, почитание огня в традиционных воззрениях тувинцев представлено широко. Так, у тувинцев бытовали общественные моления, посвященные огню. Е. К. Яковлев приводит следующие сведения о почитании огня: «...От тагыр – поклонение очагу, огню юрты – сопровождается между прочими церемониями принесении в жертву огню очага трех четырехугольных пирамидок из теста, которые ставятся на таган над очагом; над дверью привязывается зеленая ветка, в изобилии сжигается артыш – можжевельник...Огонь – освещающее начало, он и греет, и варит, и чистит, одно из самых распространенных обращений – святой огонь, очисти, помилуй!». В жертву ему приносятся:

жито, колобки теста, сарана, кандык, жирное мясо, кумыс» (Яковлев, 1900: 60-61). Культ огня у тувинцев, как и у казахов, был связан с анимизмом, с представлениями о духе-хозяине очага.

Важным элементом традиционной свадебной обрядности у казахского и тувинского народов являлся обмен дарами, приношение взаимных подарков. Согласно казахским свадебным традициям, жених приносил множество подарков стороне невесты, среди которых были «сүт ақы» (букв. «плата за молоко»; «плата за молоко матери»), «өлі-тірі» (букв. «живым и мертвым»). Сущность первого одаривания заключалась в предподнесении подарка («кәде») за воспитание дочери, сущность последнего – в умилоствлении духов-предков. Аналогии можно найти в тувинской свадебной обрядности. Так, Е. К. Яковлев приводит следующие сведения: «Мать невесты должна получить дойную скотину (корову с теленком, оленную важенку-матку), как бы в возмещение того молока, которое было выпито дочерью у нее из груди, «за кости, за тело» (сюктюлер) требуют ружья или коня...» (Яковлев, 1900: 58).

Таким образом, в традиционной обрядности детского и свадебного цикла отчетливо проявляются реликты анимистических представлений. Если сущность обрядов детского цикла, в основном, сводилась к защите ребенка от злых духов, то в свадебной обрядности главная задача ритуалов заключалась в установлении, закреплении родственных связей, а также в умилоствлении высших сил и духов-предков обеих сторон.

Важнейшей частью обрядов жизненного цикла у любого народа является похоронно-поминальная обрядность. Известно, что это самая консервативная часть обрядов, в ней изменения проводятся реже, поскольку похоронно-поминальные обряды связаны с представлениями о потустороннем мире, загробной жизни и связи живых с миром мертвых.

К концу XIX в. традиционная похоронная обрядность у казахов, в целом, соответствовала предписаниям ислама. Немецкий путешественник И. Г. Георги описывал погребальную обрядность казахов в XVIII в. следующим образом: «...С покойниками своими поступают так же, как и прочие магометане. Могилы роют неглубокие: напротив того, многие набрасывают на них груды камней. Когда мужчина умрет, то самое лучшее его платье изрезают в лоскутки и разделяют для памяти по его приятелям. Иные замечают также его юрту небольшим значком и втыкают в могилу копьё. ...Богатые и знатные люди желают быть преданы погребению у гробов своих святых или прежних ханов, либо родственников, куда отвозят их верхом....» (Российские академические экспедиции XVIII века..., 2007: 116).

Упомянутый выше обычай «изрезывания одежды в лоскутки», а также изготовление образа умершего из его вещей, одежды в юрте сохранялся и позднее. Так, Ы. Алтынсарин приводит следующие сведения: «...Конские сбруи, платья, оружие и вообще все лучшие вещи покойного развешиваются в кибитке; затем на левой стороне ее ставится длинное копьё, которое конечностью [концом] выходит наружу» (Алтынсарин, 2006: 26).

Считалось, что по этому копьё душа умершего возносилась к небу. Как уже было отмечено, казахи верили, что души людей – это звезды на небе, когда человек умирал, его звезда падала на землю (Валиханов, 2007: 83). Согласно другим сведениям, душами людей также считались мухи (Байболов, 1914: 88).

Согласно представлениям тувинцев, смерть человека происходила от того, что какая-то невидимая сила проникала в него и открывала «тын» (дыхание) (Кон, 1936: 74). Это дыхание, по выходе из человека, могло возродиться в другом существе: человеке, животном, насекомом (Кон, 1936: 74). В данных представлениях явно прослеживается влияние буддистских воззрений. Вместе с тем, бытование поверий у тувинцев о двух душах у человека, объединяющихся в единое целое

после его смерти, возможно, указывает на их гораздо более архаичное происхождение (Кон, 1936: 74). Так или иначе, представления о множественности душ у тувинцев появились еще до распространения буддизма.

В начале XX в. Н. Катанов приводит следующие сведения о погребениях умерших у тувинцев: «...Умершего человека кладут ногами на восток, а голову кладут на запад. Душа доброго шамана возносится на небо, а душа обыкновенного простого (соб.: черного) человека спускается, кажется, в землю Эрлик-хана (Катанов, 1903: 45).

В первой четверти XX вв. этнограф Ф. Кон уже указывал на существование различных типов похоронной обрядности у тувинского народа. Обращая внимание на влияние буддизма, Ф. Кон описывает следующие поверья тувинцев: «...ранее покойников не бросали, а зарывали в землю со всем имуществом, в том числе и конем. Бросать покойников начали под влиянием лам... Новый способ похорон – бросание трупов – создал поверье о том, что хороших людей немедленно исклевывают птицы и пожирают хищные животные, в то время как трупы плохих разлагаются и гниют...» (Кон, 1936: 77).

Кроме того, данный исследователь приводит следующие сведения о погребальной обрядности зажиточных людей: «...Снаружи юрты привязывается лошадь покойника, к удилам ее прикрепляется «ходак» (шелковая ткань, обычно подносимая в знак почета). Покойнику в юрте придают сидячее положение, с лицом, обращенным к жертвеннику – «бурхан-шире» (стол для божков). Ламы молятся, а жильцы юрты собирают одежду покойника: шубу, шапку, опояску, трубку, одевают во все это покойника, а затем пищу и все, что некогда зарывалось с покойником в могилу, складывают в «талын» (сумы), бросают на все это горстями ячмень и затем выносят и складывают на лошадь, которая со всей кладью идет на вознаграждение лам. Только после этого происходит вынос тела...» (Кон, 1936: 77).

Согласно казахским традициям, поминки проводятся в день похорон, на третий день со дня смерти («үші»), на седьмой день («жетісі»), на сороковой день («қырқы») и в годовщину («ас»). При этом, как отмечал Ы. Алтынсарин, «поминки делаются только по мужчинам, а по женщинам хотя и случается, но не так пышно...» (Алтынсарин, 2006: 28).

Заметным явлением в традиционном мировоззрении казахов было почитание могил святых людей, святых мест, ручьев и одиноких деревьев. Так, Ш. Валиханов писал: «Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевки. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит [в] жертву животных или же навязывает гриву лошадей...» (Валиханов, 2007: 34). Аналогии подобного почитания деревьев, а также курганов («оба»), кладбищ и мазаров святых людей можно найти в традициях почитания «оваа» в тувинской культуре.

Таким образом, в традиционной похоронно-поминальной обрядности казахского и тувинского народов присутствовали реликты анимистических представлений, которые были связаны с почитанием духов предков. Согласно поверьям, душу умершего человека следовало проводить в иной мир. Поэтому структура похоронно-поминальной обрядности казахского и тувинского народов была сложносоставной.

Результаты

Данная статья была посвящена решению проблем изучения религиозного мировоззрения в этнографии казахского и тувинского народов. В современный период основная часть тувинцев исповедует буддизм (как некоторые другие народы Южной Сибири – алтайцы), казахи являются приверженцами ислама суннитского направления ханифитского мазхаба. Вместе с тем, оба народа имеют общие исторические корни, а также истоки традиционного мировоззрения,

которые связаны с религиозными воззрениями древних тюрков. Поэтому важной целью статьи являлось раскрыть доисламские элементы в традиционном мировоззрении казахов и добуддистские реликты в верованиях тувинцев, в основе которых лежали анимистические представления.

В традиционном мировоззрении казахского и тувинского народов сохранились реликты древних верований, включавших анимизм, тотемизм, культ предков, шаманизм и магию. Эти верования, представляя собой наиболее значительный пласт архаичного мировоззрения, были неразрывно связаны между собой. Основой, своего рода «каркасом» древних религиозных воззрений являлся анимизм. Сопоставление традиционных казахских и тувинских представлений обнаружило определенные сходства, которые проявились в традиционной обрядности. Конечно, некоторые из этих сходств можно отнести к категории культурных универсалий, однако, большинство из традиционных обрядов казахского и тувинского народов, содержащих в своей основе анимистические и различные связанные с ними представления, указывают на близость мировоззренческих установок и традиций.

В традиционной обрядности детского и свадебного цикла отчетливо проявляются реликты анимистических представлений. Если сущность обрядов детского цикла, в основном, сводилась к защите ребенка от злых духов, то в свадебной обрядности главная задача ритуалов заключалась в установлении, закреплении родственных связей, а также в умиловлении высших сил и духов-предков обеих сторон.

В традиционной похоронно-поминальной обрядности казахского и тувинского народов присутствовали реликты анимистических представлений, которые существовали в неразрывной связи с почитанием духов предков. Однако, к завершению XIX в. похоронно-поминальная обрядность казахского народа унифицировалась, стала ближе к предписаниям исламской религии, похоронно-поминальная обрядность

тувинского народа включила разные формы ритуалов.

В традиционных верованиях казахского и тувинского народов прослеживается связь с почитанием объектов природной среды. В их основе лежали, прежде всего, анимистические представления об окружающей среде. Подобные религиозные воззрения, появившиеся в доисламскую эпоху (или на доисламской стадии), вероятно, существовали в прошлом виде целостной системы и в определенной степени отражали характер общественно-политических отношений. На первом уровне этой условной системы, можно обозначить родовые культы (почитание аруахов у казахов и ереней у тувинцев; вера в добрых и злых духов), на втором уровне – почитание святых мест, природных явлений; на третьем уровне – почитание божеств, управлявших сверхъестественными силами (например, бог неба Тенгри). Все содержание этой системы, безусловно, затрагивало духовную и материальную культуру. Традиционная система и культура жизнеобеспечения также оказали влияние на формирование культа плодородия в традиционных представлениях казахов. Многовековой опыт развития скотоводства, в его кочевых и полукочевых формах, создали условия для формирования магико-анимистических представлений о приращении приплода, его защиты от внешних сил.

Объектами поклонения становились природные объекты – земля, горы, огонь, вода, солнце, луна, звезды, гром и сильный ветер. У казахского и тувинского народов в исследуемый период существовали поверья, которые были связаны с почитанием священных деревьев. Особое место занимал культ животных и птиц. В этих религиозных воззрениях анимистические представления переплетались с тотемизмом.

Ислам практически уничтожил у казахов многобожие, среди которых лишь сохранились фрагментарные сведения о культе женской богини Умай. Культ предков казахов органически влился в мусульманский

культ святых. Шаманизм сосуществовал с исламом (Казахи, 1995: 310-311).

Казахи считали себя мусульманами, традиции и обряды считали мусульманскими. Многие древние традиции считались как исламские, в религиозном сознании казахи не осознавали их различий от исламских предписаний. Однако, это отнюдь не значит, что казахи были мало осведомлены о религии. По мере укрепления исламской религии в конце XIX – начале XX вв. роль анимистических представлений, как и других реликтов древних религиозных систем, ослабевала. Ряд из данных верований продолжали сохраняться в структуре обрядов перехода (инициаций) как составная часть, например «аластау» (обведение огнем), «саркыт» и др. Более того, эти древние обряды и поверья входили в структуру мусульманских обрядов («сүндет», «неке қию»).

Заключение

К концу XIX в. большинство казахского этноса исповедовало исламскую религию мазхаба Абу Ханифы (имама Агзама), при этом, придерживаясь определенных мировоззренческих традиций прошлого. Ислам, придя в соприкосновение с местными верованиями и культами, не разрушил их полностью. Согласно справедливому замечанию, знатока духовной культуры Ш. Валиханова, религия казахского народа было нечто единым целым, состоящим из верования и предписаний ислама, а также древних верований. Такую специфику мировоззрения казахов позднее отмечали и другие этнографы.

Научный анализ мировоззрения казахского народа начал проводиться лишь в XIX веке, при этом большинство научных работ этнографического характера было издано в конце этого столетия. К сожалению, многие исследователи обращали внимание на такие проблемы традиционного мировоззрения казахского народа, как баксылык (шаманизм), мифология, вне научного взора исследователей, оставались такие темы, как почитание животных, экологическая культура

в целом, соотношение ислама и более ранних мировоззренческих традиций.

Традиционное мировоззрение и религиозные верования казахского и тувинского народов в конце XIX – начале XX вв. являлись синкретичными по своему содержанию, древними воззрения сочетались с предписаниями ислама и буддизма. Важной составляющей духовной культуры, в которых данный синкретизм находил эксплицитное выражение, являлась традиционная обрядность. Французский этнолог Н. Рулан обозначил роль ритуала в общественной жизни так: «...Ибо ритуал есть способ отметить и усилить, посредством действия на область чувств (жест, речь, костюм и т.д.), ту важность, которую общество придает своим фундаментальным ценностям. Когда эти ценности меняются, меняются и ритуалы, либо видоизменяются старые, либо возникают качественно новые» (Рулан, 1999: 295).

В ритуалах детского цикла двух народов реликты анимизма сохранились на основе поверий о необходимости защиты новорожденного от злых духов в первые дни его жизни. В ритуалах свадебной обрядности казахского и тувинского народов реликты анимизма проявляются в почитании духа огня, а также духов-предков сторон жениха и невесты.

В традиционной похоронно-поминальной обрядности казахского и тувинского народов анимистические представления сочетались с культом предков, проявились в поверьях о душе, почитании святых мест.

В духовной культуре казахского народа существовали, а нередко и взаимодействовали, гетеродоксальные религиозные воззрения и практик. Например, проведение обряда «аластау» и чтение мусульманской молитвы у колыбели младенца преследовали одну и ту же цель – уберечь ребенка от злых сил. Проведение «аластау» уже не являлось в полном и прямом смысле почитанием огня, значение обряда было переиначено в народном сознании, тем не менее вера в очистительную силу огня сохранилась.

Чтение молитвы из Корана уже является мусульманским обрядом. Использование этих практик является проявлением параллельного сосуществования домусульманских и исламских обрядов, сходных по функции, но кардинально различающихся по своей структуре и значению.

Первый ритуал заключается в «знании» влияния природных сил, второй ритуал основывается на словесно-жестовом обращении к богу. Если два ритуала совершались поочередно, то речь идет о «симбиозе» двух явлений, который мог сознаваться, а мог и не осознаваться участниками обряда.

И наоборот, совершение ритуала обрезания «сүндет» и проведение тоя было связано также с раздачей лоскутков «жыртыс», остатков пищи «сарқыт» и др. В этом случае проявляется скорее не «симбиоз», а синтез (синкретность) мусульманского обычая «сүндет» (хотя сегодня известно о его домусульманском происхождении) и домусульманских практик.

В родильном и детском цикле обрядности в количественном отношении преобладают домусульманские практики, однако мусульманские обряды «знаменуют» такие важные события в жизни ребенка как имянаречение, вступление в мусульманскую общину («сүндет»). Напротив, в свадебной обрядности домусульманские практики преобладают как в количественном, так и в качественном (по степени значимости) отношении. Обычай «неке қию» с участием муллы и свидетелей, однако его проведение до сих пор не является повсеместным.

Известно, что похоронно-поминальная обрядность отличается своей «консервативностью». В целом, проведение похоронно-поминальной обрядности у казахов соответствует исламским правилам; в ней содержится больше исламских предписаний и запретов. Более того, проведение поминальных мероприятий, исторически не связанных с исламом (например, таких как ас), сопровождается

чтением мусульманских молитв. Таким образом, в двух «крайних» ритуалах жизненного цикла преобладают различные по происхождению религиозные воззрения. В родильной обрядности доминируют доисламские практики, а в похоронно-поминальной обрядности – исламские обряды и предписания. В свадебной обрядности, в силу ее большей изменчивости, сложно выделить доминирующий тип соотношения, а в современный период казахская свадьба включает все более новые элементы, мало связанные с религиозными ценностями.

Все вышесказанное позволяет подтвердить существующий тезис о полиструктурности казахского мировоззрения. Данный тезис можно распространить и на традиционное мировоззрение тувинского народа. Более того, нужно отметить, что и современное мировоззрение казахского и тувинского

народов сохраняет данную специфику. Можно предположить, что в среднесрочной перспективе доисламские верования и практики продолжают бытовать в современной казахской культуре. Ислам и доисламские мировоззренческие традиции являются одной из основ современного мировоззрения казахского народа, их значение в общей структуре мировоззрения

Казахский и тувинский народы имеют общие религиозные истоки, в основе которых лежали представления о множественности душ. Появление и бытование данных воззрений не обусловлено влиянием канонического буддизма у тувинского народа и ислама у казахского народа, по сути данные представления являются доисламскими элементами в традиционном мировоззрении казахов и добуддистскими реликтами в верованиях тувинцев.

Список литературы

- Алтынсарин И. Этнографические очерки и образцы устного творчества. – Павлодар: ЭКО, 2006. – 166 с.
- Аргынбаев Х. А. Қазақ отбасы. – Алматы: Қайнар, 1996. – 288 б.
- Байболов Б. Заметки по истории и этнографии казахов // Труды Семипалатинских краеведов конца XIX – начала XX вв. – Павлодар: ЭКО, 2006. – 245 с.
- Басилов В. Н., Кармышева Дж. Х. Ислам у казахов: (До 1917 г.). – Москва: ИЭА РАН, 1997. – 161 с.
- Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – Москва: Наука, 1992. – 328 с.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын, 1998. – 390 с.
- Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. – Москва: Наука, 1991. – 294 с.
- Валиханов Ч. Ч. Этнографическое наследие казахов. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 291 с.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – Москва: Элементарные формы, 2018. – 808 с.
- Жанайдаров О. К. Сто легенд казахской земли. – Алматы: Общественный фонд «Сораба», 2014. – 240 с.
- Казахи: историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
- Катанов Н. Ф. Среди тюркских племен (1893) // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство. – 2002.
- Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием родственных отношений его к другим языкам тюркского корня (1903) // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство. – 2002.
- Каррутерс Д. Неведомая Монголия (1914) // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство. – 2002.
- Кенин-Лопсан М. В. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – 87 с.
- Кенин-Лопсан М. В. Алгыши тувинских шаманов. – Якутск: Бичик, 2007. – 206 с.

Кон Ф. За пятьдесят лет // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство. – 2002.

Ладыгин В. П. Этнографический очерк (1899) // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство. – 2002.

Малиновский Б. Научная теория культуры. – Москва: ОГИ. 184 с. – 2005.

Мустафина Р. М. Представления, культы, обряды у казахов. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. – 176 с.

Орхонские надписи. Кюль-тегин. Бильге каган. Тонькук. – Семей: Международный клуб Абая, 2001. – 248 с.

Орынбеков М. С. Генезис религиозности в Казахстане. – Алматы: ИПФ ПР КН МОН РК, 2013. – 204 с.

Потанин Г. Н. Избранные сочинения в трех томах. – Т. 3. – Павлодар: ЭКО, 2005. – 500 с.

Потанин Г. Н. Труды по этнографии и фольклору. – Т. 6. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 248 с.

Российские академические экспедиции XVIII в. об этнографии казахов. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 240 с.

Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. – Москва: Наука. Вып. 5. 1993. – 240 с.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – Москва: Социально-экономическое издательство, 1939. – 602 с.

Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – Москва: Политиздат, 1986. – 703 с.

Эванс-Причард Э. Теории примитивной религии. – Москва: ОГИ, 2004. – 142 с.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея (1900) // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл: Тувинское книжное издательство. – С. 55-69.

Pauls E. Survivals. Encyclopaedia Britannica [Электрон. ресурс]. – 2012. – URL: <https://www.britannica.com/topic/survivals> (дата обращения 06.02.2022)

Peoples H., Duda P., Marlowe F. September 2016. Hunter-Gatherers and the Origins of Religion. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/302065024_Hunter-Gatherers_and_the_Origins_of_Religion (дата обращения 06.02.2022)

Рустем К. Досмурзинов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Қазақ және тува халықтарындағы дәстүрлі дүниетанымындағы анимистік көзқарастарының сарқыншақтары (XIX ғ. соңы – XX ғ. басы): салыстырмалы талдау

Аннотация. Осы мақала қазақ және тува халықтарының этнография-сындағы дәстүрлі дүниетанымының мәселелеріне арналған. Қазіргі заманда тувалықтардың буддизм, жарым-жарты христиан және дәстүрлі діндердің (кейбір басқа да Оңтүстік Сібір халықтары – хакас, алтай, шор халықтары секілді) ұстанып отырғаны, ал қазақ халқы мұсылман дінінің сунниттік бағытының ханафи мәзһабының жақтаушысы болғаны белгілі. Сонымен қатар, осы халықтардың ортақ тарихи тамырлары, дәстүрлі дүниетанымының шығу тегілері ерте, орта ғасырлық түркілердің діни көзқарастарымен байланысты. Қазіргі заманғы ғылымда көне түркілердің діни және діни мәдениеті жайлы мәліметтер аз. Діни дәстүрлер туралы жаңа мағлұматты бірнеше әдістермен алуға болады.

Сондықтан бұл мақаланың мақсаты – қазақ халқының арасындағы исламға дейінгі, ал тува этносының буддизмге дейінгі діни дәстүрлердің сілемдерін өзара салыстыра отырып, айқындап көрсету.

Мақаланың теориялық және методологиялық негіздемесі этнологияның қазіргі заманға дейін қалыптасқан эмпирикалық және теориялық нәтижелерін қамтиды. Зерттеудің хронологиялық шеңбері XIX ғ. соңын және XX ғ. басын қамтиды. Автор қазақ және тува халықтарының діни дәстүрлері синкретикалық болғаны деген қорытындыға келеді. Мәдениеттің негізгі құрамы бола отырып, мұндай синкретизм алдымен дәстүрлі әдет-ғұрыптарында эксплицитті түрде байқалады.

Түйін сөздер: діннің ерте формалары; анимизм; сиқыршылық; отқа табыну; дәстүрлі наным-сенімдер; ислам; дәстүрлер

Rustem K. Dosmurzinov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Relics of Animism in the traditional beliefs of Kazakh and Tuvan people (the end of XIX century – the beginning of XX century): comparative analysis

Abstract. The article is devoted to the problems of studying of religious worldview in the ethnography of Kazakh and Tuvan people. It is known that in the modern period Tuvans practices Buddhism, partly Christianity and traditional beliefs (also like several other South Siberian folks – Khakasses, Altayans, Shors), Kazakhs are Muslims of Sunni direction and the Khanafi school of thought. These peoples have common historical roots and traditional worldview, that is related with religious beliefs of ancient Turkic peoples. The religion and religious culture of ancient Turks is little-known to modern science. As is well known, new information can be obtained by different methods. That's why the aim of this article is uncover the components of religious beliefs, existing of which is not caused by canonic Buddhism of Tuvans and Islam of Kazakhs, pre-Islamic elements in the traditional worldview of Kazakhs and pre-Buddhic relics in the beliefs of Tuvans.

Theoretical and methodological basis of this are advances of ethnology in the modern empirical and theoretical studies of religious beliefs and rites. The chronological framework of research includes the end of XIX century – the beginning of XX century.

The author of article comes to conclusion that the religious beliefs of Kazakh and Tuvan peoples in the period of the end of XIX century – the beginning of XX century were syncretistic. This syncretism found explicit expression in the traditional ritualism.

Keywords: early forms of religion; animism; magic; cult of fire; traditional beliefs; Islam; rituals

References

Altynsarin I. Etnograficheskie ocherki i obraztsy ustnogo tvorchestva [Ethnographic essays and examples of oral art]. (EKO, Pavlodar, 2006, 166 p.) [In Russian].

Argynbaev Kh. A. Kazakh otbasy [Kazakh family]. (Kainar, Almaty, 1996, 288 p.) [in Kazakh].

Baibolov B. Zametki po istorii i etnografii kazakhov [Notes on history and ethnography of Kazakh people]. Trudy Semipalatinskikh kraevedov kontsa XIX – nachala XX vv. (EKO, Pavlodar, 2006, 245 p.) [In Russian].

Basilov V. N., Karmysheva Dzh. Kh. Islam u kazakhov: (Do 1917 g.) [Islam in the Kazakh people (till 1917)]. (IEA RAS, Moskva, 1997, 161 p.) [In Russian].

Basilov V. N. Shamanstvo u narodov Srednei Azii i Kazakhstana [Shamanism among the people of Central Asia and Kazakhstan]. (Nauka, Moskva, 1992, 328 p.) [In Russian].

Bichurin N. Ia. Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about peoples who lived in Central Asia in ancient times]. (Zhalyn, Almaty, 1998, 390 p.) [In Russian].

Vainshtein S. I. Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of center of Asia]. (Nauka, Moskva, 1991, 294 p.) [In Russian].

Valikhanov Ch. Ch. Etnograficheskoe nasledie kazakhov [Ethnographic heritage of Kazakh people]. (Altyn kitap, Astana, 2007, 291 p.) [In Russian].

Diurkgeim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaia sistema v Avstralii [The elementary forms of religious life]. (Elementarnye formy, Moskva, 2018, 808 p.) [In Russian].

Zhanaidarov O. K. Sto legend kazakhskoi zemli [A hundred legends of Kazakh land]. (Obshchestvennyi fond Soraba, Almaty, 2014, 240 p.) [In Kazakh and Russian].

Kazakhi: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye. [The Kazakhs: historical and ethnographical research], (Kazakhstan, Almaty, 1995, 352 p.) [In Russian].

Katanov N. F. Sredi tiurkskikh plemen. 1893. [Around the Turkic tribes]. Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans in the eyes of foreign scientists (the end of XIX- the beginning of XX centuries)]. (Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 2002, 225 p.) [In Russian].

Katanov N. F. Opyt issledovaniya uryanhajskogo yazyka s ukazaniem rodstvennyh otnoshenij ego k drugim yazykam tyurkskogo korni. 1903. [An essay on the Uriankhay language with indication of his relations to other Turkic languages], Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans in the eyes of foreign scientists (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. (Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 2002, 225 p.) [In Russian].

Carruthers D. Nevedomaia Mongoliia. 1914. [Unknown Mongolia], Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans in the eyes of foreign scientists (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. (Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kyzyl, 2002, 225 p.) [In Russian].

Kenin-Lopsan M. B. Obriadovaia praktika i folklor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX – nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. The end of XIX – beginning of XX century]. (Novosibirsk, Nauka, 1987, 87 p.) [In Russian].

Kenin-Lopsan M. B. Algyschi tuvinskikh shamanov [Algysch of Tuvan shamans]. (Iakutsk, Bichik, 2007, 206 p.) [In Russian].

Kon F. Za piat' desiat let. 1936. [For fifty years], Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka), [Traditional culture of Tuvans in the eyes of foreign scientists (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. (Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002, 225 p.) [In Russian].

Ladygin V. P. Etnograficheskii ocherk. 1899. [Ethnographic essay], Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans in the eyes of foreign scientists (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. (Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002, 225 p.) [In Russian].

Malinovskii B. Nauchnaia teoriia kul'tury [The scientific theory of culture]. (Moskva, OGI, 2005, 184 p.) [In Russian].

Mustafina R. M. Predstavleniia, kul'ty, obryady u kazakhov [Representations, cults and rituals of Kazakh people]. (Alma-Ata, Qazaq universiteti, 1992, 176 p.) [In Russian].

Orkhonskie nadpisi. Kiul'-tegin. Bil'ge kagan. Ton'kuk [Orkhon inscriptions]. – (Semei, Mezhdunarodnyi klub Abaia, 2001, 248 p.) [In Russian].

Orynbekov M. S. Genezis religioznosti v Kazakhstane [The genesis of religiosity in Kazakhstan]. (Almaty, IPF PR KN MON RK, 2013, 204 p.) [In Russian].

Potantin G. N. Izbrannye sochineniia v trekh tomakh [Selected works in three volumes]. Vol. 3. (Pavlodar, EKO, 2005, 500 p.) [In Russian].

Potantin G. N. Trudy po etnografii i folkloru [Works on ethnography and folklore]. Vol. 6. (Astana, Altyn-kitap, 2007, 248 p.) [In Russian].

Rossiiskie akademicheskie ekspeditsii XVIII v. ob etnografii kazakhov [Russian academic expeditions of XVIII century about ethnography of Kazakh people]. – (Astana, Altyn kitap, 2007, 240 p.) [In Russian].

Svod etnograficheskikh poniatii i terminov. Religioznye verovaniia. [Code of ethnographic concepts. Religious beliefs]. (Moskva, Nauka, 1993, 240 p.) [In Russian].

Taylor E. B. Pervobytnaia kul'tura [Primitive Culture]. (Moskva, Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939, 602 p.) [In Russian].

Frazer J. J. Zolotaia vetv': Issledovanie magii i religii [The Golden Bough: A Study in Comparative Religion]. (Moskva, Politizdat, 1986, 703 p.) [In Russian].

Evans-Pritchard E. Teorii primitivnoi religii [Theories of Primitive Religion]. (Moskva, OGI, 2004, 142 p.) [In Russian].

Iakovlev E. K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny iuzhnogo Eniseia i ob»iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeia. 1900. [Ethnographic review of Aboriginal Peoples of valley of the southern Yenisei and explanatory catalog of department of ethnography in Museum], Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans in the eyes of foreign scientists (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. (Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002, 225 p.) [In Russian].

Pauls E. Survivals. Encyclopaedia Britannica 2012. Available at <https://www.britannica.com/topic/survivals> (accessed: 06.02.2022)

Peoples H., Duda P. and Marlowe F. Hunter-Gatherers and the Origins of Religion, Human nature 2016. Available at https://www.researchgate.net/publication/302065024_Hunter-Gatherers_and_the_Origins_of_Religion (accessed: 06.02.2022)

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about / authors:

Досмурзинов Рустем Куандыкулы – «Археология және этнология» мамандығының 3 курс PhD докторанты, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

Dosmurzinov Rustem Kuandykuly – PhD doctoral student, 3 year of educational program on 'Archaeology and Ethnology', L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.